

ГЛАВА I.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ КАК ОБЪЕКТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ.

Всякая наука определяется: 1) объектом, предметом ее изучения, и 2) методами, ею применяемыми. Мы начнем с методологической характеристики объекта психологии.

В отношении психологии приходится вопрос об объекте расчленить, детализировать, а именно: 1) кого, какой объект изучает психология, 2) с какой стороны, с какой точки зрения она к нему подходит и 3) что она в нем изучает. В этой главе мы займемся первыми двумя моментами.

Психология, рефлексология, наука о поведении изучают людей и животных. При этом мы встречаемся с двумя противоположными подходами—субъективистов и объективистов.

Субъективисты идут сверху, от людей к животным. Они рассматривают последних как такие же объекты и изучают их такими же методами, как и человека. Объективисты же, наоборот, идут снизу, от животных к людям. Они рассматривают человека как такой же объект и пытаются его изучить такими же методами, что и животных.

Будучи принципиально противоположными, эти два подхода имеют, однако, одну общую методологическую черту—одинаковый подход к людям и животным. Спрашивается, какой из этих подходов верен? Можно ли, допустимо ли одинаково подходить к изучению обоих объектов? Как надо подходить к их изучению? Ответ на этот вопрос определяется сравнительной характеристикой этих двух объектов.

Одним из основных положений диалектического материализма является требование—изучать действительность не через идеологические очки, а таковой, какова она в реальности, во всем ее многообразии и своеобразии, во всей ее конкретности. Истина—конкретна. Что же представляют собой объекты, изучаемые психологией—человек и животные—в их реальной конкретности?

Человек связан с животными по своему происхождению, человек—один из видов животных—таков первый, согласующийся с дарвинизмом, ответ на поставленный вопрос. «Человек—сила природы»¹, говорит Маркс.

¹ Капитал, т. I, стр. 148, Гиз, 1923 г.

«Нашей плотью, кровью и мозгом мы принадлежим природе и внутри ее находимся»¹, утверждает Энгельс. Плеханов пишет: «Человек есть животное, связанное узами родства с другими животными; физиология его организма есть не более как частный случай общей физиологии»².

Но человек—особый вид животных. По выражению Маркса, человек—«сила природы, противостоящая природе»³, воздействующая на нее в процессе труда. Энгельс пишет, что «животное пользуется только внешней природой, производит в ней изменения просто в силу своего присутствия» и только в «лучшем случае доходит до собирания средств существования», «человек же производит их» и «своими изменениями заставляет ее служить своим целям, господствует над ней»⁴. Благодаря труду человек отличается от животных, выделился из животного царства, очеловечился. Продолжая эту мысль Маркса—Энгельса, углубляя ее, Плеханов утверждает, что человек, в отличие от всех других видов животных, прошел через две ступени развития, грань между коими проведена пользованием орудиями труда, переходом количества, в смысле случайного употребления орудий животными, в качество, в смысле постоянного употребления орудий людьми. «Поскольку человек становится животным, производящим орудия,—заявляет Плеханов,—он, человек, вступает в новую фазу своего развития: его зоологическое развитие заканчивается и начинается его исторический жизненный путь»⁵. Если история происхождения любого другого вида животных есть история перехода одного вида животных в другой вид животных, то история происхождения особого вида—человек есть история перехода, по законам диалектического развития, зоологического вида в исторический вид—человек.

Эти две стадии развития—стадия зоологическая, дочеловеческая и стадия историческая, собственно человеческая—имеют огромное значение для сравнительной характеристики поведения и психики человека и животных. На зоологической ступени своего развития будущий вид—человек, т. е. наш звероподобный предок, приспособлялся к окружающей его естественной среде так же пассивно, как и все животные, и «подобно другим животным всецело подчинялся влиянию окружающей его естественной среды»⁶. На исторической же, собственно человеческой стадии своего развития человек стал приспособляться к среде уже не пассивно, как раньше, а активно, изменяя окружающую его естественную среду помощью орудий труда. В орудиях труда человек приобрел, говорит Плеханов, свое «главное отличие от животного, а именно способность к

приобретению власти над природой»¹. Таким образом исторический человек, человек в собственном смысле этого слова, отличается от зоологического «человека», т. е. от своего звероподобного предка, и от всех других животных тем, что он стал творцом, субъектом истории, создающим, в силу трудовой деятельности, свою искусственную социальную, социально-классовую среду.

Оборотной стороной этого момента, принципиально важного для сравнительной характеристики человека и животных, является другой момент, также принципиальной важности. Изменяя как субъект истории окружающую его природу, человек, по выражению Маркса, «изменяет самого себя»². «Благодаря человеческой деятельности,—пишет Энгельс,—изменились поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сам человек»³.

Из этой основной, принципиальной, качественной сравнительной характеристики человека и животных вытекает целый ряд частных, но очень важных характерных черт человека в сравнении с животными, которые мы и постараемся выяснить.

1. Зоологический «человек», наш звероподобный предок, так же, как и все другие животные, приспособлялся, по мнению Плеханова, к естественной среде непосредственно, т. е. «посредством преобразования его органов, посредством изменения его анатомической структуры»⁴. «Результатом такого непосредственного приспособления к естественной среде,—соглашается Плеханов с Лабриолой,—являются расы, поскольку они отличаются одна от другой физическими признаками—например белая, черная, желтая расы, а не представляют собой вторичных, историко-социальных формаций, т. е. наций и народов»⁵.

Следовательно, анатомическая структура тела человека, поскольку она складывалась в дочеловеческий зоологический период развития, представляет собой такой же результат только биологического приспособления, также только биологически обусловлена, как и у всех животных.

Но картина меняется в исторический, собственно человеческий, период развития человека. На этой стадии «человек, по мнению Плеханова, приобретает в орудиях труда как бы новые органы, изменяющие его анатомическое строение»⁶. Анатомическое строение собственно человека находится не под непосредственным влиянием природы, а под влиянием труда, орудий труда. Воздействие социально-трудового, социально-классового бытия на анатомическую структуру тела человеческого, во-первых, проявилось в том, что человек стал человеком с анатомической точки зрения, т. е. приобрел свою специфически человеческую анатомическую структуру, только как

¹ Диалектика природы, стр. 103.

² Т. VIII, стр. 248.

³ Капитал, т. I, стр. 148.

⁴ Диалектика природы, стр. 101, 65.

⁵ Т. VIII, стр. 148.

⁶ Там же, стр. 248.

¹ Т. VII, стр. 25.

² Капитал, т. I, стр. 148.

³ Диалектика природы, стр. 25.

⁴ Т. VIII, стр. 148.

⁵ Там же, стр. 248.

⁶ Т. VII, стр. 163.

исторический человек. Человек как анатомический тип двурукого создан трудом, как это доказал Энгельс¹. Воздействие социально-трудового, социально-классового бытия на анатомическое строение тела человека проявляется, во-вторых, в том, что оно меняет его и на протяжении истории, как мы это выясним подробнее ниже в главе X, при рассмотрении вопросов о нормальной и патологической наследственности.

Далее, анатомическая структура тела неразрывно связана с его физиологией, с его химизмом. Поэтому вполне естественно, что трудовая деятельность, социально-классовое бытие изменило, изменяло и изменяет не только анатомию человека, но вместе с ней и через нее и его физиологию и химизм его тела, как это указал Энгельс².

Таким образом анатомо-физиолого-химическая конструкция тела собственно человека определяется, в отличие от животных, не естественной средой, а социально-классовым бытием, т. е. качественно другими причинами.

Но и этого мало. Качественно различным является и удельный вес, конституции человека и животных. Если история развития зоологического «человека», точнее зоологического предка человека, сводилась, как у всех остальных животных, к видоизменениям его естественных органов, то история развития исторического человека, т. е. собственно человека, «становится прежде всего историей усовершенствования его искусственных органов, роста его производительных сил»³. А это перенесение центра тяжести с «естественных орудий» — органов тела — на искусственные орудия приводит к тому, что «изменения анатомической структуры совершенно теряют свое значение по сравнению с изменениями искусственных орудий»⁴.

Конституция, устройство тела играет в жизни человека, в его историческом развитии меньшую роль, чем конституция тела в жизни и развитии животных.

2. Качественно различными являются также и действия человека и животных. Действия животных, в том числе и зоологического «человека», т. е. звероподобных предков наших, во-первых, находятся в непосредственной зависимости от естественной среды, во-вторых, ограничены структурой их организма, поскольку они совершаются помощью органов тела, в-третьих, у каждого данного вида животных они являются в общем стереотипными.

Совершенно другую картину мы имеем у собственно человека. Во-первых, поскольку с возникновением общественных отношений «географическая среда стала влиять на человека, — как это указал Плеханов, — через общественную среду», поскольку с того времени качественно изменилась зависимость человека от естественной среды, превратившись,

по выражению того же Плеханова, из непосредственной в посредственную¹, постольку, следовательно, действия исторического человека, т. е. собственно человека, выявляются, в отличие от животных, в зависимости от социально-классовой среды. Во-вторых, пользуясь орудием труда, человек преодолел ограниченность его действий структурой тела и органов, ибо он производит уже действия не просто руками, а помощью орудий труда. В-третьих, человек преодолел стереотипность его действий. Человек преодолел стереотипность действий, во-первых, исторически, в процессе труда развивающейся гибкостью своей руки, в такой степени способной совершать разнообразные, многочисленные действия, что она качественно отличается даже от руки высших обезьян. «Как велико расстояние между неразвитой рукой даже наиболее подобных человеку обезьян и усовершенствованной трудом сотен тысячелетий человеческой рукой!»² — восклицает Энгельс. Человек преодолел стереотипность своих действий, во-вторых, пользованием и приобретением все новых и новых орудий, дающих ему возможность совершать все новые и новые действия. Таким образом действия человека качественно отличны от действий животных по исторически растущему богатству и многообразию их.

3. С деятельностью и конституцией тела человека и животных органически связаны их потребности. И здесь перед нами качественная разница. Человек имеет общие с животным биологические потребности, рефлексы, инстинкты, как пищевой, половой и т. д. Но у каждого данного вида животных его потребности удовлетворяются, во-первых, в зависимости от естественной среды и, во-вторых, в общем стереотипным образом. У человека же биологические потребности удовлетворяются, во-первых, в зависимости от условий социально-классового бытия и в силу этого, во-вторых, различным образом на разных ступенях исторического развития, а на каждой ступени различно у разных классов.

Для уяснения мысли о том, что в процессе исторического развития человека меняются его биологические потребности, биологически унаследованные инстинкты, очень важно рассуждение Плеханова о семейных отношениях, следовательно, о половом и родительском инстинктах. «В течение очень долгого времени, — пишет Плеханов, — когда в жизни наших человекоподобных предков орудия играли такую же ничтожную роль, какую играет ветка в жизни слонов, отношения человекоподобных самцов к человекоподобным самкам (следовательно, половой инстинкт. — Ю. Ф.), равно как и отношение тех и других к их человекоподобным детенышам (следовательно, родительский инстинкт. — Ю. Ф.) определялись условиями жизни этого вида, не имеющими кору диям труда никакого отношения». «Объяснить эти семейные отношения (следовательно, и родительский и половой ин-

¹ Энгельс, Роль труда в «Диалектике природы».

² Там же.

³ Т. VII, стр. 163.

⁴ Т. VIII, стр. 148.

¹ Т. VII, стр. 244.

² Энгельс, Диалектика природа, стр. 89—91.

стинкты.—Ю. Ф.) должны натуралисты. Историк у тут делать пока еще нечего».

Но картина меняется в отношении собственно человека. Когда орудия труда «приобретают решительное влияние на весь склад общественных, т. е. между прочим и семейных отношений (следовательно, и на родительский и половой инстинкты.—Ю. Ф.), то тут уж начинается дело историка». Однако историк не может полностью отвлечься от биологии. Ему «придется считаться не с одной только экономией; ведь люди размножались раньше того, когда орудия труда приобрели решающее значение в человеческой жизни».

Таким образом историк приходится «взять «семью» (следовательно, и родительский и половой инстинкты.—Ю. Ф.), как она создалась, скажем, в зоологический период развития человечества», затем показать, как и почему изменялись в течение исторического периода семейные отношения (следовательно, и родительский и половой инстинкты.—Ю. Ф.) наших предков в связи с развитием их производительных сил, как развивалась семья (следовательно, и родительский и половой инстинкты.—Ю. Ф.) в зависимости от экономических отношений». «Другими словами, ему придется потребовать формулярный список этого вида у натуралиста» и «пополнять этот список собственными средствами»¹.

Плеханов не вскрывает содержание изменений этих биологических унаследованных инстинктов, рефлексов, потребностей. Да ему и не надо было этого делать, ибо его интересовал только методологический принцип—социально-обусловленная изменчивость биологических потребностей, инстинктов человека. Но этот принцип можно конкретизировать.

И действительно, можно ли сравнить, например, половую потребность людей с половой потребностью даже высших животных? Половая потребность животных, во-первых, проявляется периодически, а, во-вторых, удовлетворяется как чисто физиологический акт. Половая же потребность у людей, во-первых, в общем свободна от биологической периодичности и, во-вторых, очеловечивалась, облагораживалась на протяжении истории, принимая в зависимости от эпохи и от класса определенные формы любви. Правда, в классовом обществе мы имеем и чисто физиологическое удовлетворение половой потребности в браке (поскольку он, базируясь на собственности, приводит к порабощению женщины), в проституции, половых извращениях, половых насилиях и т. д. Но ведь мы относимся к этим явлениям не как к нормальным, а как к общественному злу, которое претит нашему человеческому самосознанию, которое стало у нас, в стране строящегося социализма, изживаться и которое полностью исчезнет после окончательной победы пролетариата.

Возьмем еще один пример для подтверждения интересующего нас теперь методологического принципа. Можно ли сравнить удовлетворение потребности в пище, пищевой инстинкт, пищевой рефлекс у че-

ловека с таковыми у животных, если учитывать не только непосредственное потребление, непосредственный физиологический акт еды, но всю ту сложную разнообразную деятельность, которую человек совершает при удовлетворении потребности в пище? У животных в общем удовлетворение потребности сводится к простому добытию пищи и к непосредственному ее потреблению, непосредственному физиологическому процессу еды, в лучшем случае еще к ее сохранению до употребления, у людей же мы имеем исторически социально-классово изменяющийся сложный переплет добытия, переработки и приготовления пищи, вкусов и т. д. и т. п.

Очевидно, что такие же социально-обусловленные изменения происходят и с другими нашими инстинктивными биологическими потребностями, например с потребностью в жилище.

Таким образом общие у человека с животными биологически унаследованные инстинктивные потребности находятся под давлением социально-классового бытия человека, являются у него в отличие от животных социально-классово обусловленными и окрашенными в их изменчивости и обладают, следовательно, новыми социальными, социально-классовыми свойствами, качествами.

Но этого мало. Потребности животных сводятся к пищевым (добывание и непосредственное потребление пищи и питья), половым, защите от врагов, частично к строительству жилья. У человека же, кроме этих биологических потребностей, вырастает ряд потребностей, связанных с экономической, культурной, эстетической, научной, религиозной и т. д. деятельностью. «Для Гельвеция,—пишет Плеханов,—действительная потребность—это прежде всего физиологическая потребность. Но для удовлетворения своих физиологических потребностей люди должны производить определенные предметы, а прогресс этого производства вызывает возникновение новых потребностей, столь же действительных, как и первые»¹. Это уже потребности социального порядка.

Поскольку у животных биологические потребности заполняют все их бытие и поскольку у человека имеются новые потребности—исключительно социально-классово приобретенные и приобретаемые, постольку биологические потребности составляют у человека только часть его потребностей и постольку общие у него с животными биологические потребности оказываются количественно уменьшенными. На протяжении истории удельный вес биологических потребностей падает. Лучшим резюме является следующее замечание Плеханова: «Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды (потребности.—Ю. Ф.). Нужды (потребности) эти даются первоначально, конечно, природой, но затем значительно изменяются в количественном и качественном отношениях, свойствами искусственной среды»².

¹ Т. VIII, стр. 117.

² Там же, стр. 250.

При этом крайне важно то обстоятельство, что соотношение двух видов человеческих потребностей—биологически унаследованных и социально-классово приобретенных—не представляет собой постоянной величины, а меняется на протяжении истории от эпохи к эпохе, а в пределах эпохи—от класса к классу. На заре истории биологические потребности заполняют у человека почти все его бытие, как это имеет место и у животных. Но на протяжении истории социально-классово приобретаемые потребности росли, расширялись. На наших глазах, в стране строящегося социализма, мы видим, как быстро растут эти социальные, культурные потребности широких рабочих и бедняцко-средняцких крестьянских масс. В будущем коммунистическом обществе они вырастут и расширятся до того, что будут преобладать, превалировать над биологическими потребностями.

Критикуя взгляды экономического материалиста Лакомба, который считает самой влиятельной в истории группой потребностей так называемую им «Экономическую группу», т. е. «телесные потребности в пище, одежде и жилище», Плеханов заявляет, что «разумная планомерная организация общественного производства обеспечивает удовлетворение «телесных потребностей» человека, как обеспечивается самой природой при всяких общественных отношениях удовлетворение «потребности дыхания», что «телесные потребности» перестанут поэтому играть во взаимных отношениях людей ту огромную роль, какую они несомненно играют теперь, когда удовлетворение их зависит от беспорядочной игры случайностей»¹. Исходя из этого взгляда на потребности будущего человека, Плеханов очень резко квалифицирует взгляд Лакомба: «Экономический материализм Лакомба,—пишет Плеханов,—есть в некотором смысле пасквиль на человеческий род», пасквиль потому, что основными потребностями станут новые культурные, социальные потребности.

Качественные и количественные изменения биологических потребностей человека и все увеличивающийся рост его социально приобретаемых потребностей приводят к другой качественно отличной, в сравнении с животными, структуре его потребностей. Потребности животных исключительно биологического порядка. Потребности же человека состоят из двух качественно различных частей: во-первых, из исторически теряющей свой удельный вес, социально-классово окрашенной, формально общей у человека с животными, но фактически количественно и качественно измененной биологической части и, во-вторых, из исторически растущей, социально-классово приобретенной и приобретаемой части.

4. Следующим отличием человека от животных является приобретение под давлением социально-трудовой деятельности членораздельной речи. «Развитие труда,—пишет Энгельс,—по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества». «У них являлась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны

преобразовалась медленно, но неуклонно, путем постепенно усиливаемых модуляций, и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим»¹. Эта членораздельная речь, отличающая человека от животных и облегчившая людям сообщение между собой, сыграла большую роль в процессе исторического развития человека.

5. Качественная разница действий и средств связи—членораздельной речи—человека в сравнении с животным связана с разницей рефлекторных механизмов их нервной системы.

Стереотипность и ограниченность действий каждого вида животных привели к выработке у них ограниченных и стереотипных рефлекторных механизмов нервной системы, как аппаратов соотносительной деятельности. Поведение же людей, расширяясь исторически, изменяясь от эпохи к эпохе, а в пределах эпохи от класса к классу, обогащает их все новыми и новыми рефлекторными механизмами, проторивает все новые и новые пути, рефлекторные дуги в коре головного мозга—этом высшем отделе органа соотносительной деятельности. Энгельс пишет: «Человеческий мозг, при всем сходстве основной структуры с мозгом обезьян превосходит его величиной и совершенством»².

Если животные имеют наряду с безусловными, врожденными рефлекторными механизмами также и условные, сочетательные рефлекторные механизмы, а люди, наоборот, имеют наряду со сложной системой условных сочетательных рефлекторных механизмов также и безусловные механизмы, если таким образом мы имеем и у людей и у животных оба вида рефлекторных механизмов, то какая разница в пропорции! А так как количество переходит в качество, то рефлекторные механизмы человека качественно отличаются от таковых у животных по богатству их структуры.

6. Качественно различные бытие, деятельность, действия, конституция, мозг, нервно-рефлекторные механизмы человека в сравнении с таковыми у животных ставят нас перед новой проблемой—субъективные переживания.

Маркс в «Капитале» заявляет, что «по сравнению с состоянием общества, когда рабочий выступает на товарном рынке, как продавец своей собственной рабочей силы, к глубинам первобытных времен относится то состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей животнообразной, примитивной, инстинктивной формы»³. Труд—это основа, фундамент нашей психики, нашего поведения. Если труд первобытного человека был животнообразно примитивен и инстинктивен, то и действия и психика его также были животнообразно примитивны и инстинктивны. Таким образом со стороны психики первобытный человек характеризуется животнообразной инстинктивностью.

Ведя инстинктивную жизнь, животные и первобытный человек имели

¹ Диалектика природы, стр. 93.

² Там же.

³ Капитал, стр. 149.

однако, субъективные отражения от окружающего их бытия. Субъектами, т. е. существами, имеющими «вид», отражения от вещей, являются, по мнению Плеханова, «не только люди, а все те организмы, которые благодаря известным особенностям своего строения имеют возможность так или иначе «видеть» внешний мир»¹. А поскольку «вид», субъективное отражение, зависит не только от условий бытия, но и от структуры организмов животных, постольку различным образом организованные животные имеют различные «виды», различные субъективные отражения. «Свойства пространства,—пишет Плеханов,—имеют объективное значение, хотя и представляются различно организмам, стоящим на различных ступенях развития»². «Строение этих организмов неодинаково, поэтому и внешний мир имеет для них неодинаковый «вид»³. Энгельс же выражается точнее, указывая на то, что различные «виды», различные субъективные отражения зависят от структуры нервной системы. «Что является светом, а что не светом,—пишет Энгельс,—зависит от строения глаз; ночные животные могут видеть даже часть не теплоты, а химического излучения, так как их глаза приспособлены к меньшим длинам волны, чем наши глаза»⁴.

Но если у различных видов животных имеются различные субъективные отражения, то тем более должно быть различие между субъективными отражениями человека и животных. «Я не знаю,—пишет Плеханов,—как «видит» улитка, но я уверен, что она «видит» не так, как люди»⁵. «У человека не та «картина» мира, что у амебы, а у амебы не та, что у человека». И происходит это оттого, что «материальная организация человека не похожа на материальную организацию остальных «мер вещей»⁶.

Различие между психикой, субъективными отражениями, «видами» людей и животных идет по нескольким линиям.

Первая линия различия—это сознательность. Мы лишены возможности непосредственно проникнуть во внутренний мир животных. Последние, не владея членораздельной речью, не могут непосредственно передать нам свои внутренние переживания. Поэтому мы не в состоянии судить о сознательности, о степени сознательности животных и можем рассматривать их как существа бессознательные. Таково же отношение Плеханова и к нашим человекоподобным предкам. «Все их развитие,—пишет он,—было тем совершенно бессознательным развитием, когда еще не загоралась даже заря сознания, а следовательно и свободы»⁷. Развитие свободы есть следствие развития сознания. У наших человекоподобных предков не было зари свободной деятельности,

¹ Т. VIII, стр. 388.

² Там же, стр. 389.

³ Там же.

⁴ Диалектика природы, стр. 67.

⁵ Т. VIII, стр. 389.

⁶ Т. XVII, стр. 133.

⁷ Т. VII, стр. 244.

потому что у них не было зари сознания вообще, потому что они жили такой же бессознательной жизнью, как животные.

Не то у человека. Мы знаем себя сами, а о переживании других мы узнаем через их речь. Поэтому мы вправе сказать, что с того времени, как человек выработал свою членораздельную речь, он отличается от животных безусловным наличием сознания. «Человек—единственное животное, которое способно выбраться из чистого животного состояния,—его нормальное состояние соответствует его сознанию, он должен сам его (т. е. сознание.—Ю. Ф.) создать»¹, пишет Энгельс. Но если человек сам создал свое сознание, то он мог сделать это только в процессе своего труда, начиная с того времени, когда он стал животным, делающим орудия. «Орудия,—говорит Плеханов,—это орган, подчиняющий необходимость человеческого сознанию, хотя на первых порах лишь в очень слабой степени, если можно так выразиться, лишь клочками, урывками»². В других выражениях эту мысль высказал еще Энгельс, а именно: «Параллельно с развитием руки (у человека.—Ю. Ф.) развивалась голова и зарождалось сознание—сперва отдельных практических, полезных действий»³.

Под влиянием искусственной социальной среды, т. е. роста производительных сил и производства и усложнения общественного бытия, у человека развивалась нервно-мозговая система с ее неотделимым своеобразным свойством—субъективными человеческими переживаниями. Усложняющаяся человеческая психика приобретает новое качество—«сознание». В процессе исторического развития человека его природа меняется, а с ней меняется и его психика. Часть его бессознательных переживаний переходит исторически и диалектически в сознание. Это сознание вначале клочкообразное и отрывчатое, охватывает только небольшие участки бытия, отдельные действия, оно освещает только часть бытия, но оно уже есть, оно как новообразование обогатило уже собой психику человека.

В процессе дальнейшего исторического развития это сознание развивается, растет, расширяется. Если деятельность современного человека уже характеризуется сознательностью, то в будущем коммунистическом обществе, этом царстве свободы, т. е. сознательной необходимости, эта сознательность еще больше увеличится.

Появившись на заре истории, развиваясь на протяжении исторического пролога, сознание пышно расцветет в собственно исторический период в будущем коммунистическом обществе.

Сознание и бессознательное представляют собой два субъективных свойства, появившихся в исторической последовательности и развивающихся с момента появления исторически более молодого сознания, согласно диалектическому принципу перехода количества в качество, а именно:

¹ Диалектика природы, стр. 41.

² Т. VII, стр. 244.

³ Диалектика природы, стр. 171.

² Ю. Франкфурт. Плеханов и методология психологии

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

№ 10

16574 709

1-я стадия—переживания человека бессознательны, животнобразны.

2-я стадия—преобладание бессознательного, но появление отрывочного сознания у первобытных людей, на заре исторического пролога. Это первая переходная ступень в смысле взаимоотношений между сознательной и бессознательной частями наших переживаний.

3-я стадия—рост сознательной части наших переживаний и соответственное сужение бессознательных, на протяжении исторического пролога, вплоть до социальной революции. Это вторая переходная ступень во взаимоотношениях между сознательной и бессознательной частями наших переживаний.

И наконец 4-я стадия, начиная с эпохи социальной революции,—стадия бесконечной возможности развития сознательной части наших переживаний, диаметрально противоположная первой переходной ступени взаимоотношения сознания и бессознательного в нашей психике.

Таким образом субъективные переживания человека качественно отличаются от таковых у животных присущим им исторически растущим особым свойством—сознательностью. Такова первая линия различия между субъективным человеком и животным.

Вторая линия различия—это систематичность сознания человека, превращающая сознание в познание. «Впоследствии (на основе сознания отдельных действий.—Ю. Ф.) зарождается у народов, находившихся в более благоприятных условиях, понимание обуславливающих эти полезные действия законов природы»¹, говорит Энгельс. И животные имеют субъективные отражения—«виды» от бытия. В этом состоит сходство между человеком и животным. Но наряду со сходством между ними есть и различие. Человек, в отличие от животных, способен к систематическому познанию. «Систематическое познание законов природы,—пишет Плеханов,—стало возможным на земле только с тех пор, как появился «общественный человек», достигший известной высоты умственного развития»². Это-то систематическое сознание, превращающееся в систематическое познание, и помогает человеку овладеть природой. «Все наше господство над природой,—говорит Энгельс,—состоит в том, что мы в отличие от всех других существ умеем постигать и правильно применять ее законы»³.

Третья линия различия субъективного у человека и животных—это самосознание. Сознание человека превращается в самосознание. Рост человеческого сознания и познания, это рост его самосознания.

«История является только процессом развития самосознательных организмов, отличным от истории природы»⁴, пишет Энгельс. Таковыми самосознательными существами истории являются только люди. «Г. В. Юшкевич признает,—пишет Плеханов,—что если человек «мера вещей», то и червяк «мера вещей» и амеба «мера ве-

щей» и т. п. Но человек выделяется нами в этом отношении только потому, что он «мера», сознающая себя «мерой». Надо думать, что ни червяк, ни амеба действительно не сознают себя «мерой» и не занимают философию»¹.

Поскольку сам человек есть часть и общества и природы, постольку он, познавая основные законы природы и общества, познает самого себя, осознает себя и как члена общества и как часть природы, т. е. все большую и большую часть своих собственных переживаний.

Растущие сознание, познание, самосознание и самопознание превращаются в предваряющие бытие субъективные переживания. «Труд человеческий,—говорит Энгельс,—в отличие от животных есть труд сознательный, преднамеренный. Если животные оказывают прочное влияние на окружающую природу, то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к этим самым животным чем-то случайным. Чем более однако люди отдаляются от животных, тем более их процесс воздействия на природу принимает характер преднамеренных, планомерных, направленных к определенным, заранее намеченным целям, действий»². Отсюда, из этого, присущего человеку сознания, предваряющего его действия, и вытекает та характеристика, которую Маркс дает труду в той его форме, которая «составляет исключительное достояние человека», в отличие от той формы труда, которая характерна для первобытного человека. Указав на то, что работа паука напоминает операцию ткача, а работа пчелы посрамляет работу архитектора, Маркс приходит однако к выводу, что «человеческий труд отличается от труда животных тем, что прежде, чем строить фактически, человек строит в своей голове», что «в конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника», что «человек не только изменяет форму того, что дано природой, но в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как Закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»³.

Такова принципиальная качественная разница между субъективным человеком и животным.

7. Из сказанного о действиях, потребностях, рефлекторно-мозговых механизмах и их свойствах—субъективных переживаниях—у человека и у животных вытекает вывод о том, что к опыту способны не только люди, но и животные. Но в то время как опыт животных определяется естественной средой и биологическими потребностями, стереотипен, ограничен, малопластичен, инстинктивен, несистематичен, опыт людей определяется главным образом социально классовой средой, ста-

¹ Диалектика природы, стр. 171.

² Т. XVII, стр. 177.

³ Диалектика природы, стр. 103.

⁴ Там же, стр. 17.

¹ Т. XVII, стр. 133.

² Диалектика природы, стр. 99.

³ Капитал, стр. 149.

новится исторически все сознательнее, систематичнее, богаче, многообразнее и пластичнее. Ведь род человеческий один, а как далек опыт первобытного человека и человека XX в., современного жителя дальнего Севера и американца, отсталого крестьянина и революционного рабочего. Какую колоссальную ломку в опыте произвели и производят переход к пользованию телеграфом, телефоном, радио, авиацией и т. д., с одной стороны, мировая война и революция—с другой стороны.

8. Все сказанное до сих пор можно резюмировать следующим образом:

а) Человек есть единство многообразия. Он обладает одновременно двумя качествами: он является 1) членом животного царства, высшим видом животных, имеющим свою биологию, и 2) субъектом в истории, существом исторического, социально-классового порядка.

б) Новое качество, приобретенное человеком, то обстоятельство, что он является субъектом истории, социально-классовым существом, изменило качественно его связь с животным миром, его качество члена животного царства, его биологию, его биологические потребности, его биологически обусловленные действия, его рефлекторные механизмы с их субъективными свойствами.

Эта диалектико-материалистическая мысль о качественном отличии биологии человека от биологии животных все более и более проникает за последнее время в науку. Так, И. П. Павлов, который в «20-летнем опыте» заявляет, что изучая физиологию коры больших полушарий у животных, особенно у собаки, наука раньше или позже перенесет по сходству или подобию установленные ею законы с животных на человека¹, в «лекциях» своих уже утверждает, что если физиологические процессы питания различны у людей и у животных, то тем более различна их высшая нервная деятельность².

в) Поскольку человек является не только существом биологического порядка, но и существом исторического социально-классового порядка, поскольку его качество биологического существа изменено его качеством исторического существа, поскольку потребности, поведение, действия человека с их рефлекторными механизмами и субъективными свойствами качественно отличны от таковых у животных, постольку человек представляет собой качественно-своеобразный и качественно-отличный от животных объект изучения.

г) Психология, рефлексология, наука о поведении, имея дело с двумя качественно различными объектами, должны делиться на две ветви—зоопсихологию, зоорефлексологию, науку о поведении животных, с одной стороны, гомопсихологию, гоморефлексологию, науку о поведении человека—с другой стороны. Каждая из этих ветвей имеет свой особый объект изучения и свой особый подход к его изучению.

Поскольку мы не можем непосредственно проникнуть во внутренний мир животных, поскольку последние, лишенные речи, не могут непосредственно сообщать нам об их переживаниях, поскольку они пред-

ставляют собой существа биологического порядка, постольку к ним необходим чисто объективный, чисто биологический подход.

Но не таков подход к человеку. Поскольку человек есть единство многообразия, т. е. и член животного царства и субъект истории, постольку он и должен быть познан во всей своей конкретности, в обоих своих качествах, с двух сторон, с двух точек зрения. К человеку, следовательно, необходимы два подхода, биологический и социологический. Биологический подход необходим для познания биологии человека как члена животного царства, социологический же подход необходим для познания поведения и психики человека как субъекта истории. Однако этот биологический подход верен только при одном условии, если помнить, что этим подходом мы познаем человека только как члена животного царства, только как высший вид, но вид животных, вписывая этим познанием последнюю, высшую главу в биологическую науку и устанавливая связь человека с животными.

Надо видеть и изучать связь между двумя качествами человека, связь между человеком и животным, надо видеть и изучать человека, в его качестве «члена животного царства», т. е. его биологию, как таковую. Но надо также видеть и изучать разницу между двумя качествами человека, разницу между человеком и животным, надо видеть и изучать человека в его качестве «субъект истории». Вот почему Плеханов солидаризируется с заявлением Фейербаха о том, что он идет с материалистами только «назад» и расходится с ними, «идя вперед». «Фейербах не мог,—пишет Плеханов,—удовольствоваться материализмом, не умевшим различать между человеком как предметом биологии и человеком общественной науки. Но отсюда видно вовсе не то, что он был материалистом только отчасти, а, напротив, то, что он испытывал потребность в последовательном материалистическом миросозерцании»¹.

Диалектический материализм требует учета не только связи человека с животным, но и их различия. Диалектическое взаимоотношение, т. е. и связь и различие, между двумя качествами человека предопределяет диалектическое взаимоотношение, т. е. связь и различие между биологическим и социологическим подходом к человеку. Эти два подхода к человеку не противостоят друг другу, а, как два связанных, но качественно различных подхода, дополняют друг друга. Чрезвычайно странно противопоставлять дарвинизм историческому материализму. Это две разные области исследования. Дарвинист изучает человека как зоологический вид, а историк-материалист—историческую судьбу этого вида. Область истмата начинается как раз там, где кончается область дарвинизма. Они не могут заменить друг друга. Дарвинизм может только подготовить почву для истмата подобно тому, как физика подготавливает почву для химии, нисколько не устраняя необходимости химических исследований. Плеханов следующим образом формулирует взаимоотношения между историком материалистом и биологом: «Историкуну придется, во-первых, потребовать формуляр-

¹ Т. XVIII, стр. 177.

ный список этого вида у натуралиста, сдающего ему с рук на руки дальнейшее изучение развития человека; ему придется, во-вторых, пополнять этот список собственными средствами»¹.

Перефразируя эту мысль Плеханова в отношении к психологии, мы можем сказать, что психолог-социолог, беря из рук биолога формулярный список человека, список зоологического порядка, продолжает его списком социального порядка, т. е. списком социально-классового поведения и психики человека.

Признавая законность биологического подхода к человеку при изучении его биологии как таковой, как высшей главы биологических наук, марксистская психология считает, что объектом ее изучения является человек, как субъект, деятель, творец истории, как существо исторического, социально-классового порядка, и что ее подход к нему должен, следовательно, быть не биологическим, а социологическим, точнее не исключительно биологическим, а главным образом социологическим, ибо, изучая человека, как субъекта истории, марксистская психология должна учитывать и биологию человека в некоей степени, а в какой степени, мы осветим в другой главе.

Отсюда вытекает, что одинаковый подход к человеку и животным неправилен, что субъективисты и объективисты совершенно не правы в оценке поведения, психики и человека и животных, что неверен как антропоморфный подход субъективистов к животным, так и зооморфный подход объективистов к человеку. Если первые, как ультраантропоморфные субъективисты не могут познать правильно поведения и психику животных, то вторые, как ультрабиологические объективисты не могут правильно познать поведение и психику человека.

Подходить к поведению и психике человека с меркой от поведения и психики животных будет, во-первых, фактически неверно, во-вторых, механистично и, в-третьих, реакционно. Это будет неверно потому, что человек не только член животного царства, но и субъект в истории, причем человек является человеком не своим качеством «член животного царства», а своим качеством «субъект истории».

Это будет механистично потому, что отрицается специфическое для человека качество—«субъект истории», что оно сводится к качеству—«член животного царства», чем смазывается специфическая характерная для человека особенность его. Это будет реакционно потому, что высшее, чисто человеческое качество сводится к низшему, животному-биологическому качеству.

Ультрабиологический материализм, с его животной меркой для поведения и психики человека, есть отсталый, не научный, антиисторический, вульгарный, метафизический, реакционный вид материализма. Ультрабиологический подход к человеческой психике, подход по аналогии с животными, есть «пасквиль на род человеческий», как это

формулировал Плеханов, критикуя Лакомба. Поэтому мы считаем вполне применимым к ультрабиологическим психологам тот отзыв, который Г. В. Плеханов дал сторонникам политического и социального дарвинизма, а именно: «Буржуазные писатели, ссылаясь на Дарвина, в действительности рекомендовали своим читателям не научные приемы Дарвина, а только зверские инстинкты тех животных, о которых у Дарвина шла речь. Маркс сходится с Дарвиным, буржуазные писатели сходятся со зверями и скотами, которых изучал Дарвин»¹.

Марксистская психология, верная заветам основоположников марксизма, должна изучать человека, подходя к нему как к субъекту истории.

¹ Т. VII, стр. 173.

¹ Т. VII, стр. 246 прим.